

Едва они переступили порог, как Чэн Лян по-хозяйски — будто жил здесь всю жизнь — переобулся в домашние тапки. Следом он привычным жестом достал с полки вторую пару для Е Мяня и уверенно направился к холодильнику в поисках чего-нибудь перекусить.

Е Мянь проводил его взглядом.

— С каких это пор ты лазишь по холодильникам? — фыркнул он в спину Чэн Ляну. — Ты же у нас адепт здорового образа жизни, вечно с термосом и ягодами годжи? Решил ледяного попить?

Чэн Лян достал тарелку с нарезкой и с укоризной покачал головой:

— Я ведь ещё в прошлые выходные оставил тебе фрукты. Почему тарелка почти полная? Ты к ней даже не прикоснулся, верно?

Е Мянь отвёл взгляд:

— Прикоснулся... Я ел.

— И что же ты съел?

Вместо ответа Е Мянь подошёл к дивану и лениво развалился на подушках.

— Хватит занудствовать. Иди лучше овощи помой да за ужин принимайся.

Чэн Лян водрузил фруктовую тарелку на журнальный столик и без лишних церемоний плюхнулся рядом, притираясь плечом к плечу.

— Молчишь? Ладно, отвечу за тебя: от силы два кусочка арбуза. За целую неделю, Мянь-Мянь, всего два кусочка?

Е Мянь пихнул его ногой:

— Хочешь есть — ешь сам.

С чего вдруг этот парень стал таким назойливым? Е Мянь поднялся, подхватил пакеты с мясом и зеленью и поволок их на кухню. На пороге он обернулся к развалившемуся на диване Чэн Ляну:

— Сам ведь настаивал, что приготовишь домашнее. Живо дуй сюда!

Вообще-то Е Мянь предлагал поужинать в кафе или просто заказать доставку, но Чэн Лян упёрся рогами и затащил его на местный рынок. А теперь, едва переступив порог дома, разлёгся тюленем.

Чэн Лян лениво приподнял голову:

— Уговор был, что мы готовим вместе.

— Знаю, знаю, — вздохнул Е Мянь. Оставлять гостя одного у плиты было бы свинством.

— Нет, ты не понял, — протянул Чэн Лян, поднимаясь. — На кухне сейчас духота невыносимая. Ни кондиционера, ни даже завалявшегося вентилятора. А ведь придётся стоять у плиты, глотать этот жар и копоть. Стоит мне взяться за вок, как я взмокну до нитки. Ладно я, но вдруг пот капнет прямо в еду? Это же негигиенично.

«И откуда в его голове берётся этот бред?» — подумал Е Мянь, вываливая зелень в раковину.

— И что ты предлагаешь? — буркнул он, пустив воду и принимаясь мыть овощи.

Чэн Лян подошёл ближе. Постоял немного у косяка, разглядывая Е Мяня, а затем пристроился рядом и тоже запустил руки под струю воды.

Раковина была крошечной, и двое рослых парней едва помещались на узком пятачке. Приходилось тесниться плечом к плечу, то и дело задевая друг друга локтями. Кожа к коже. Невозможно было понять, от кого исходит этот жар, но очень скоро обоим стало невыносимо горячо.

В конце сентября внезапно вернулось удушливое лето — пекло стояло такое, словно на дворе был разгар августа.

Когда с мытьём зелени было покончено, Чэн Лян наконец соизволил ответить на недавний вопрос:

— Мой план прост. Я стою у плиты, а ты караулишь рядом с чистым полотенцем. Время от времени нежно промакиваешь мне лоб. Я прерываюсь, наши взгляды встречаются, мы тепло улыбаемся друг другу... Ну, понимаешь, как в романтических дорамах.

Е Мянь молча развернулся и вышел из кухни.

Однако спустя полминуты он вернулся, действительно держа в руках полотенце. Чэн Лян даже растерялся:

— Брат Мянь?..

Е Мянь на его глазах хладнокровно скрутил полотенце в тугий жгут. Раздался резкий свист, а за ним звонкий хлопок — «кнут» прилетел Чэн Ляну прямо по заднице. К чёрту драмы и нежные взгляды! Е Мянь замахнулся для второго удара, но парень успел перехватить полотенце на лету.

— Брат Мянь, за что? — Чэн Лян удивлённо приподнял мокрые руки, с которых по локтям сбегали капли воды.

Е Мянь хмуро зыркнул на него:

— Не видно? Воспитываю.

— С чего вдруг такая суровость?

— Напросился, — отрезал Е Мянь. — В этом доме правила простые: я барин, ты мой крепостной. Так что давай, мужик, хватайся за работу, не то запорю плетью.

Жгут в его руках опасно натянулся, идеально отыгрывая роль барской плетки. Настоящая драма об угнетённом крестьянине и жестоком помещике.

Чэн Лян слегка потянул полотенце на себя, сокращая расстояние между ними:

— И что, мне даже пощады просить нельзя? У крепостных ведь должно быть право на помилование.

Е Мянь на секунду задумался. Идея с мольбами о пощаде показалась ему забавной. Скорчив максимально суровую мину, он кивнул:

— Валяй, проси. Но если барин останется недоволен, велит сварить нерадивого холопа в кипящем масле. И давай-ка на колени, как положено.

Чэн Лян на мгновение завис. А затем, не сводя с него глаз, стянул через голову футболку, обнажая подтянутый торс, и потянулся к ремню. Е Мянь среагировал мгновенно — рванулся вперёд и мёртвой хваткой вцепился в его брюки.

— Ты что творишь?! — выкрикнул Е Мянь, изо всех сил удерживая чужие штаны на месте. — Я велел пощады просить, а не раздеваться!

— Брат Мянь, оцени фигуру, — с абсолютным спокойствием попросил Чэн Лян. — Только

честно.

Е Мянью демонстративно мазнул по нему равнодушным взглядом:

— Сойдёт. Третий сорт не брак.

Хотя на самом деле парень был сложен безупречно: широкие плечи, узкие бёдра, рельефные очертания мышц — ни единой лишней складки.

— Ясно, значит, шикарно, — усмехнулся Чэн Лян. — Знаешь, мне кажется, пустые слова — это слишком банально. Настоящее раскаяние нужно доказывать делом.

«Все вы, парни, любите упрямитесь и говорить обратное», — мысленно добавил он.

Е Мянью замер в лёгком замешательстве. За ходом мыслей этого придурка было не угнаться.

— Ты к чему клонишь?

— Я к тому, что провинившегося слугу господин волен наказать как угодно, — вкрадчиво произнёс Чэн Лян. — Можешь побить, можешь отругать... сделать со мной всё, что захочешь.

Он усмехнулся. Они стояли так близко, что Е Мянью ощущал кожей исходящий от него жар.

— С ума сошёл? — Е Мянью в подобные игры играть не собирался.

Но Чэн Лян подался ещё ближе и выдохнул едва слышно, прямо ему в ухо:

— А ты попробуй, Брат Мянью.

Он перехватил запястье Е Мянью и силой прижал его ладонь к своей груди.

— Признайся, тебе ведь нравится моё тело? Всё на месте, под одеждой незаметно, а снимешь — сплошные мускулы. И уверяю тебя, идеален у меня не только торс. Моё...

Е Мянью поспешно перебил его, пока этот бесстыдник не наговорил лишнего.

Он делал это нарочно. Абсолютно точно нарочно — дразнил, нёс эту чушь, пока ладонь Е Мянью горела, прижатая к тёплой, упругой коже.

— Знаешь, Чэн Лян, ты на редкость самоуверенный наглец, — Е Мянй прищурился. — Но с чего ты взял, что я не приму правила твоей игры?

Этот гад явно чувствовал себя в полной безопасности, зная характер Е Мянй, вот и распустил хвост.

Е Мянй опустил взгляд на пояс чужих брюк, который всё ещё крепко сжимал в кулаке, и коварно усмехнулся.

Чэн Лян мгновенно почуял неладное, но среагировать не успел.

Е Мянй резко дёрнул руку вниз.

Чэн Лян отшатнулся, болезненно налетев спиной на кухонный стол. Удар заставил его глухо охнуть, но он даже не обратил на это внимания — судорожно, с безумной скоростью рванул штаны обратно вверх, застёгивая их на ходу.

Справившись с ремнём, он порывисто отвернулся спиной к Е Мяню, пряча пылающее лицо. Спесь с него как ветром сдуло. На этот раз ему действительно стало не по себе от собственного позора.

— Я... в уборную, — бросил он через плечо и буквально вылетел из кухни.

Е Мянй никогда ещё не видел этого невозмутимого парня в таком диком смятении. Чэн Лян, должно быть, даже не осознавал, как сильно покраснел.

Убедившись, что шаги затихли, Е Мянй подошёл к сверкающей металлической вытяжке, в которой, как в зеркале, отражалось его лицо. Затем достал телефон, включил фронталку и нахмурился. С какого перепугу у него самого так отчаянно полыхают уши?

Ну конечно. Просто он увидел то, чего видеть никак не следовало.

Но всё-таки странное поведение Чэн Ляна не давало покоя.

С чего бы ему так реагировать? Может, он по парням?

Е Мянй принялся мысленно прокручивать в голове их прошлые встречи, сопоставляя детали.

Пазл постепенно складывался в весьма сомнительную картину. Чэн Лян что, действительно на него запал?

Спас жизнь, и теперь тот решил отплатить древним способом — предложить руку и тело?

Бред какой-то. Подумаешь, вытащил человека из передраги. На дворе, в конце концов, XXI век, а не глухое средневековье, чтобы разводить подобную романтику. Кто бы мог подумать, что этот крутой парень в душе окажется кисейной барышней из исторических романов.

И как теперь деликатно вправить ему мозги? Как объяснить, что долги чести в наше время возвращают иначе?

Хочешь отблагодарить — просто переведи миллион на карту, и дело с концом.

Чэн Лян отсутствовал прилично. Когда он наконец соизволил вернуться на кухню, Е Мян из чистого любопытства то и дело бросал косые взгляды чуть ниже его пояса. В конце концов Чэн Лян не выдержал и прервал затянувшееся молчание:

— Брат Мян, если ты продолжишь туда пялиться, у меня снова возникнут... анатомические трудности.

Е Мян тут же отвёл глаза и с преувеличенным усердием принялся чистить чеснок, стараясь не смотреть в сторону гостя.

К этому моменту Чэн Лян уже натянул футболку обратно и вновь обрёл свой привычный вид невозмутимого баловня судьбы.

— Что ещё сделать? — спросил Е Мян.

Чэн Лян как раз закинул на сковороду цветную капусту с мясом. Не прерывая энергичных взмахов лопаткой, он скопил на него глаза:

— Закатаешь мне рукава?

— Докуда? — Е Мян шагнул ближе.

— До локтей.

Е Мян принялся аккуратно, слой за слоем, подворачивать плотную ткань. Под его пальцами перекачивались упругие мышцы предплечья.

— Да не вертись ты, неудобно же.

— Не буду двигаться — капуста подгорит. А ты ведь её так любишь, — резонно возразил Чэн Лян.

— Ладно, — проворчал Е Мянью. — Считаю, что тебе повезло исключительно благодаря капусте.

Он сделал последний поворот, освобождая сильные руки парня до самых локтей.

Духота на кухне стояла невыносимая. Е Мянью откинул со лба влажную чёлку и краем глаза взглянул на Чэн Ляна. Тот взмок окончательно: лицо блестело от пота, а на спине футболки уже расплылось тёмное влажное пятно.

Стоять у раскалённой плиты в такое пекло действительно было сущим адом. Пожалев повара, Е Мянью сходил в гостиную, притащил напольный вентилятор, воткнул вилку в розетку и выставил среднюю скорость, направив поток прохладного воздуха прямо на Чэн Ляна.

Спустя час с небольшим на столе красовались четыре сытных блюда и ароматный суп. Чэн Лян критически осмотрел свои труды и выключил вытяжку.

— Сначала в душ, потом за стол.

— Иди, — кивнул Е Мянью.

В таком состоянии обедать действительно было бы некомфортно. В квартире Е Мянью давно прописались вещи Чэн Ляна: пара футболок в шкафу, личный стакан для зубной щётки и полотенце в ванной. Да и сегодня он притащил с собой рюкзак, где лежали ещё два сменных комплекта.

Заперевшись в ванной, Чэн Лян долго стоял перед зеркалом, разглядывая своё лицо. Вся недавняя весёлость и игривый настрой мгновенно испарились, уступив место холодному, непроницаемому выражению.

«Уже скоро», — подумал он.

Он выудил из кармана пачку, достал сигарету и щёлкнул зажигалкой. Пожалуй, ни в одном деле он не проявлял столько терпения и упорства, сколько в этом.

Он получит желаемое, чего бы это ни стоило. Всё разыграется строго по его сценарию.

Иначе...

Чэн Лян опустил голову, прикрывая глаза, и холодно и хищно усмехнулся.

Докурив, он бросил окурок в унитаз и нажал на кнопку смыва. Вода с шумом унесла пепел. Справившись с этим, Чэн Лян сунул руку в карман брюк и извлёк оттуда довольно странный предмет — маленький, ядрёно-зелёный стручок острого перца.

Чэн Лян застрял в ванной ещё на полчаса. Е Мянью тоскливо листал ленту в телефоне, сидя перед остывающим ужином — начинать трапезу в одиночку было как-то невежливо.

Наконец дверь открылась, и Чэн Лян, окутанный влажным паром, переступил порог кухни.

— Ждал меня?

— С разбегу! — фыркнул Е Мянью. — Ждал, пока еда хоть немного остынет. Терпеть не могу горячее.

Чэн Лян с улыбкой покачал головой:

— И всё-таки ты ждал. В твоей короткой фразе моё имя прозвучало дважды.

— Чего? — не понял Е Мянью. — Какое ещё имя? «Остынет»?

— Ну да. «Остынет» — это ведь про «Ляна».

— Чэн Лян, у тебя мания величия, — закатил глаза Е Мянью. — Если в слове есть корень «остыть», это ещё не значит, что мир вращается вокруг твоей персоны. Совсем сбрендил на солнцепёке?

Он присмотрелся к гостю внимательнее. Тот стоял у стола, плотно прижимая к лицу махровое полотенце.

— Ты чего цирк устраиваешь? Решил примерить образ загадочного ниндзя?

— Не хочу, чтобы ты видел меня в таком виде, — глухо донеслось из-под ткани.

От этих слов Е Мянью стало по-настоящему любопытно. Он мотнул подбородком, требуя убрать преграду:

— Да сними ты это недоразумение. Что стряслось?

— Хорошо, снимаю, — предупредил Чэн Лян. — Только чур не пугаться.

— Валяй, — фыркнул Е Мянью. Кого тут пугать? Неужели за тридцать минут в душе у него выросла вторая голова? Мы всё-таки не в дешёвом фэнтези живём.

Но стоило Чэн Ляну убрать полотенце, как Е Мянью невольно раскрыл рот от изумления. Зрелище действительно впечатляло.

— Мать твоя женщина... — выдохнул он. — Ты там что, с призраками в душе подрался? Откуда эти боевые раны?

Чэн Лян беспечно отмахнулся:

— Ерунда. Брат Мянью, не переживай ты так. Просто перегрелся. На кухне было душно, копоть эта, пот ручьём... Вот организм и выдал аллергическую реакцию. Фигня, до свадьбы заживёт. Пострадали только лицо, шея и руки. Вот, гляди, на ногах и торсе ничего нет.

«Ещё бы там что-то было, — подумал Е Мянью, — ты же в штанах и футболке стоишь».

Тем не менее, осмотрев парня внимательнее, Е Мянью нахмурился. Кожа Чэн Ляна действительно пошла жуткими багровыми пятнами — на шее и предплечьях вздулись плотные, уродливые волдыри.

— Сиди смирно и не дёргайся, — скомандовал он. — Я поищу какую-нибудь мазь от аллергии. Чешется?

Чэн Лян соорудил на редкость жалобную мину:

— Не зудит. Но горит нещадно.

Похоже, началось сильное воспаление. Е Мянью перерыл аптечку, нашёл тюбик с успокаивающим гелем и заставил пострадавшего тщательно намазать все поражённые участки. Только после этого они наконец приступили к ужину.

Однако чудодейственная мазь не помогла. Прошёл час, но багровые пятна на лице, шее и руках Чэн Ляна даже не думали бледнеть. Ладно лицо — там кожа нежная, но чтобы на руках не было вообще никаких улучшений?

Видимо, срок годности геля давно истёк. Е Мянью решительно поднялся с дивана:

— Схожу в круглосуточную аптеку, куплю нормальный антигистаминный крем.

— Да не нужно, Брат Мянью, правда, — Чэн Лян потянул его за край футболки. — Само пройдёт. Я же говорю, обычный тепловой удар. За ночь всё спадёт. Вот только вентилятор в гостиной гоняет исключительно горячий воздух. Мы уже час под ним сидим, а толку ноль. Мне кажется...

— Что тебе кажется?

— Мне кажется, меня спасёт только кондиционер.

— И?

— И поэтому, Брат Мянью, мне жизненно необходимо перебраться к тебе в спальню. Кину матрас на пол под кондиционер. Иначе я до утра от боли с ума сойду, да и воспаление только усилится. К тому же на улице уже темень, куда ты пойдёшь?

Е Мянью бросил взгляд на часы. «Темень»? Девятого часа ещё нет. Впрочем, спорить он не стал.

Помолчав пару минут для приличия, он всё же снизошёл до милости:

— Исключительно в благодарность за ужин. Действительно вышло недурно. Но учти: стелить себе будешь сам, я и пальцем не пошевелю.

Чэн Лян довольно улыбнулся. Он полез в рюкзак и бережно извлёк оттуда DVD-диск в пластиковом боксе.

— Время детское, Брат Мянью. Может, кино глянем?

«Опять у него время детское? Семь пятниц на неделе у этого парня», — мысленно хмыкнул Е Мянью.

— Ладно, настраивай пока. Я в душ.

Заглянув в спальню за чистыми вещами, он направился в ванную. Памятуя о прошлых едких замечаниях Чэн Ляна по поводу его домашнего гардероба, Е Мянью полностью обновил коллекцию домашней одежды. Теперь никаких вольностей: строгая классика в тёмно-серых и чёрных тонах. На лето — свободная футболка и шорты, на зиму — плотные штаны.

Когда он вышел, вытирая волосы полотенцем, то обнаружил, что в гостиной царит полумрак. Люстра не горела, а на журнальном столике мерцали две толстые восковые свечи.

Единственным источником света, кроме них, был бледно-голубой экран телевизора.

— Ты что тут устроил? — Е Мянью остановился на пороге. — Тебе самому не жутко? Две свечки на столе... Мы тут спиритический сеанс проводим или усопших поминаем?

Огоньки свечей испуганно дрожали на сквозняке, отбрасывая на бледное лицо Чэн Ляна зловещие, колеблющиеся тени.

Е Мянью обречённо вздохнул:

— Придурок.

Он двинулся вдоль стены, намереваясь нащупать выключатель.

— Брат Мянью... обернись... посмотри на меня... — замогильным, тягучим шёпотом протянул Чэн Лян.

В тишине комнаты этот вкрадчивый голос прозвучал на удивление чётко. Е Мянью внезапно замер, по спине пробежал холодок. И дело было вовсе не в мистике — просто в ту же секунду со спины к нему бесшумно прижалось чужое горячее тело.

В привидения Е Мянью не верил в принципе. Даже если они и существовали, то были лишь какими-нибудь электромагнитными аномалиями или проекциями из параллельных миров.

А вот человеческие причуды — вещь куда более осязаемая и непредсказуемая.

— Чэн Лян, руки убрал, — ровным тоном произнёс Е Мянью. — Что за обнимашки?

Парень обхватил его сзади за талию и, преувеличенно мелко дрожа, прижался щекой к лопатке:

— Брат Мянью, свет вырубили... Мне страшно.

Е Мянью на секунду лишился дара речи.

— Чэн Лян, ты издеваешься? У тебя актёрский талант уровня провинциального ТюЗа. Телевизор работает на святом духе, по-твоему? Покажи мне район, где при отключении электричества гаснут только лампочки, а бытовая техника продолжает пахать.

Чэн Лян нехотя разжал руки и мягко развернул его к себе лицом:

— Ладно, раскусил. Просто рядом с тобой мне как-то спокойнее. Я с детства темноты боюсь. Видимо, у тебя просто лампочка перегорела, а с сетью всё в порядке.

Версия звучала правдоподобно. Чтобы прекратить этот нелепый спектакль, Е Мянй протянул руку к выключателю и несколько раз щёлкнул клавишей.

Тишина. Люстра не отозвалась ни единым бликом.

— Придётся завтра электрика вызывать, — вздохнул он.

Проводка в квартире была старой, так что перегоревшая лампа удивления не вызвала.

— И где ты только свечи откопал?

— В ящике журнального столика лежала коробка, — улыбнулся Чэн Лян. — Считаю, повезло.

— Ладно, хрен с ней, — Е Мянй махнул рукой. Спать всё равно не хотелось, а тусклый свет от экрана создавал уютную, почти интимную атмосферу. — Это твой фильм на диске?

Переговариваясь, они устроились на диване. В полумраке комнаты синеватый свет экрана казался особенно ярким.

Чэн Лян заботливо подложил под спину Е Мянй мягкую подушку, а сам уселся подле, чинно сложив руки на коленях.

Такая внезапная перемена в поведении даже насторожила Е Мянй. Он подозрительно прищурился:

— И что за жанр? Только не говори, что подсунул мне ужастик.

— Ещё чего, — хмыкнул Чэн Лян. — Какой смысл смотреть хорроры на ночь глядя? Глупое занятие — нагнетать жуть ради того, чтобы пугаться выдуманных монстров.

Е Мянй согласно кивнул. Тут их мнения полностью сходились.

Всегда удивляли люди, которые до смерти боялись скримеров, но упорно включали ужастики по ночам, чтобы потом дрожать под одеялом до рассвета. Абсолютно мазохистское развлечение. Храбрость — это ведь не мышца, её тренировками не накачаешь.

Чэн Лян прибавил звук. Парни устроились поудобнее, прижав к себе по подушке. Свечи на столике тихо плакали воском, комната погрузилась в молчание, нарушаемое лишь голосами из

динамиков.

Однако по мере развития сюжета Е Мяня начали терзать смутные сомнения. Чэн Лян так и не озвучил название картины.

На первый взгляд это была обычная, довольно затянутая драма. Но почему, чёрт возьми, главный герой и его лучший друг внезапно начали обниматься и... целоваться? Да так страстно, что искры летели.

И поцелуями дело не ограничилось. Спустя пару минут экранные персонажи уже вовсю кувыркались в постели.

Судя по качеству картинки, фильм был старым — из тех времён, когда цензура ещё не свирепствовала, а на нелегальных DVD и вовсе отсутствовали какие-либо купюры. Все пикантные сцены крутили без прикрас, целомудренно прикрывая лишь самые откровенные ракурсы.

Из колонок посыпались томные вздохи и характерные шлепки, а герои на экране увлечённо менялись позициями.

Е Мянь медленно повернул голову к соседу по дивану.

— Чэн Лян, — ледяным тоном произнёс он, — ты подсунул мне гей-драму?

В тусклых отсветах экрана взгляды их встретились. В полумраке гостиной глаза Чэн Ляна лихорадочно блестели, и он смотрел на Е Мяня в упор, не мигая.

<http://bllate.org/book/18333/1866319>